

**Н. С. Прокурова**

**ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ СЮЖЕТЫ О ПРАВОСУДИИ В РОССИИ XIX ВЕКА  
В ТВОРЧЕСТВЕ Л. А. АВИЛОВОЙ (К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)**

Лидия Алексеевна Авилова, урожденная Страхова (1864—1943 гг.) вошла в историю русской литературы XIX в. своими рассказами. В ее произведениях наряду с показом российской действительности 19-го столетия находят отражение провинциальные сюжеты о правосудии в России того времени.

Прослеживает ли писательница Авилова движения детской души («Первое горе»), передает ли чувства своих взрослых героев («Наследники», «Без привычки», «Судебный следователь») — все ее произведения отличаются большим психологизмом.

За творчеством Л. А. Авиловой внимательно следил А. П. Чехов: помогал советом, иногда критиковал, замечал успехи Лидии Алексеевны и нередко хвалил ее. С большой симпатией к Л. А. Авиловой относился И. А. Бунин: он отмечал ее творческую чуткость и высоко оценивал повесть «Наследники». Одобрительно о творчестве писательницы Авиловой отзывался Л. Н. Толстой. Ее рассказ «Первое горе» был опубликован им в «Круге чтения».

*Ключевые слова:* воровство, вор, уличить, урядник, арестовывать, судебный следователь.

**N. S. Prokurova**

**PROVINCIAL PLOTS ABOUT THE JUSTICE IN RUSSIA IN THE 19<sup>TH</sup> CENTURY  
IN THE WORKS OF L.A. AVILOVA (FOR THE 150<sup>TH</sup> ANNIVERSARY)**

Lidia Alekseevna Avilova is a Russian writer of the 19<sup>th</sup> century. Along with showing different aspects of the Russian reality, provincial plots about the justice in Russia of that period of time are embodied in her works.

Whether Lidia Avilova describes the emotional experience of the child's soul ("The First Grief") or shows the feelings of adults («Without a habit», «The Court Investigator»), all her works are profoundly psychological.

A. P. Chekhov paid great attention to Lidia Avilova's works. He could give her some advice and sometimes even criticized her, but highlighted her success. I. A. Bunin was in deep sympathy with Lidia Avilova. He emphasized her creative sensibility and highly appreciated her short novel «The Heirs». L. N. Tolstoy spoke highly of Lidia Avilova's works. He published her tale «The First Grief» in «The Circle of Reading».

*Keywords:* stealing, thief, expose, village constable, apprehend, court investigator.

3-го июня 2014 г. исполняется 150 лет со дня рождения русской писательницы Лидии Алексеевны Авиловой, урожденной Страховой (1864—1943 гг.), которая вошла в историю русской литературы со своими рассказами, которые сейчас малоизвестны современному читателю, хотя несколько сборников ее произведений находится в фондах Российской государственной библиотеки.

Лидия Алексеевна Авилова была знакома со Л. Н. Толстым, А. М. Горьким, Д. Н. Маминим-Сибиряком, дружна с А. П. Чеховым, И. А. Буниним, Н. А. Лейкиным, В. А. Гольцевым, П. Д. Боборыкиным. Ее рассказы, кроме «Петербургской газеты», публиковали «Биржевые ведомости», «Всемирная иллюстрация», «Сын

Отечества», «Нива», «Русское богатство», «Живописное обозрение», «Вестник Европы» и др.

За творчеством Лидии Авиловой внимательно следил Антон Павлович Чехов, он замечал ее успехи и довольно часто хвалил ее. Так, 21 февраля 1892 г. он писал ей: «Что касается языка, манеры — то Вы мастер. Если бы я был редактором, то платил бы Вам не менее 200 за лист» [1]; 1-го марта 1893 г.: «Я хотел сказать Вам несколько хороших слов насчет Ваших рассказов и, как выражаются литературные льстецы, приветствовать Ваши успехи, которые заметил не один только Тихонов» (Вл. А. Тихонов — редактор журнала «Север», опубликовавший в начале января 1893 г. рассказ Л. А. Авиловой

«Счастливец» — *Н. П.*) (Письма, 5, 176). 3 (15) ноября 1897 г. Антон Павлович писал Авиловой из Ниццы: «Ах, Лидия Алексеевна, с каким удовольствием я прочитал Ваши «Забытые письма». Это хорошая, умная, изящная вещь. Это маленькая, куцая вещь, но в ней пропасть искусства и таланта, и я не понимаю, почему Вы не продолжаете именно в этом роде. <... > Гольцев был прав, когда говорил, что у Вас симпатичный талант...» (Письма, 7, 93). И, сделав ряд критических замечаний («Надо выбрасывать лишнее, очищать фразу от «по мере того», «при помощи» ...), все-таки отмечал: «... Вы музыкальны и чутки, чему свидетели — «Забытые письма» (Письма, 7, 94).

Повесть Л. А. Авиловой «Наследники», опубликованную в 1898 г. в девятом номере журнала «Русское богатство», очень высоко оценил Иван Алексеевич Бунин. Его заинтересовала поставленная в повести проблема: судьба русского помещичьего дворянства и история вырождения, которой сам Бунин посвятил свои ранние произведения: «Шаман», «Мотыка», «Помещик Вергольский», а позже — «Суходол». В «Южном обозрении» за 1889 г. Бунин (под псевдонимом И. Чубаров — *Н. П.*) писал: «В ... книжке «Русского богатства» напечатана небольшая повесть молодой и симпатичной писательницы Авиловой — «Наследники».

Перед читателем — наследники отживающего и отжившего свой век барства, разоренного и придавленного бессилием и...безденежьем, цепляющегося за обломки широких и благородных в известном смысле традиций. Второе поколение — наследники мелкого дворянства, некогда униженного их более счастливыми покровителями... Неутешительны отпрыски знатного барства, но еще неутешительнее отпрыски мелкого дворянства. Эти «наследники», как характеры, — не новы в нашей литературе, но сопоставление сделано удачно и итог подведен весьма смело». Заканчивая анализ повести, Бунин подчеркивал: «Надо приветствовать это произведение молодой писательницы как значительный шаг вперед на литературном поприще» [2].

Лидия Алексеевна Авилова еще с юности была хорошо знакома со Львом Николаевичем Толстым: писатель бывал в доме Страховых (брат Лидии Алексеевны, Федор, был убежденным толстовцем).

Лев Николаевич читал произведения Л. А. Авиловой. Ему нравились ее рассказы, и в 1905 г. он обратился к Лидии Алексеевне через ее брата Федора Алексеевича Страхова, гостившего у него в Ясной Поляне, с просьбой прислать свои рассказы «Первое горе» и «Без привычки» для опубликования в журнале «Круг чтения», предназначенном для воспитания юных граждан.

Лидия Алексеевна выполнила просьбу Льва Николаевича, и 11 марта 1905 г. Лев Николаевич писал ей: «Очень Вам благодарен, милая Лидия Алексеевна, за присылку Ваших рассказов..., которые я получил нынче. Если Вы позволите, то я помещу в Круге чтения «Первое горе». <... > Я перечел этот рассказ, и он мне понравился еще более, чем прежде, т. е. очень.

От души желаю Вам всего истинно хорошего. Вы знаете, что я, так же, как и Ваш брат Федор, разумею под этим. Лев Толстой» [3].

Рассказ Л. А. Авиловой «Без привычки» весьма не случайно привлек внимание Толстого. Ему были близки переживания героя рассказа, помещика Николая Ивановича, отправившегося на стук топора в собственном лесу в целях уличения виновника и увидевшего «на месте преступления» молодую крестьянку, рубившую хозяйский лес.

И в тот момент, когда Николай Иванович «...уже готовился выступить из своей засады грозным и непоколебимым судьей» и уличить вора, он вдруг «ясно услышал жалобный плач ребенка» и увидел, как женщина «подняла с земли что-то небольшое, увернутое в тряпье, потрясла это на руках и бережно приложила к груди» [4]. И помещика поразило ее лицо «еще молодое, но уже вполне бесцветное, с впалыми щеками и тупым, равнодушным взглядом» [4, с. 19]. Николай Иванович испытывает чувство стыда и неловкости перед этой женщиной и старается удалиться так, чтобы она его не заметила. Эти чувства героя были хорошо понятны Льву Николаевичу, о чем свидетельствует запись в дневнике Софьи Андреевны (11. 12. 1890): «Во время обеда Левочка мне сказал, что меня ждут те мужики, которые срубили на посадке 30 берез и которых вызывают на суд» [5]. Вероятно, вынужденное хозяйничанье крестьян в барском лесу было весьма распространенным явлением, т. к. уже спустя десять лет Софья Андреевна вновь напишет: «Везде борьба с народом, воровство, столь справедливое со стороны бедствующего

народа, а неприятно. Особенно досадно было, что грумантские мужики срубили березы на берегу пруда, где мы так часто делали пикники, пили чай и удили рыбу. Жалко было мужика, выдержавшего яблони у риги, он просил прощенья, а уже дело без меня передано уряднику» [5, с. 467]. Известно, что Лев Николаевич очень переживал, когда он или члены его семьи невольно становились причиной несчастий яснополянских крестьян, поэтому, вероятно, он и попросил Лидию Алексеевну прислать ему для опубликования в журнале «Круг чтения» рассказ «Без привычки». Но потом писатель остановил свой выбор на рассказе «Первое горе», т. к. главным героем здесь был мальчик Гриша, чувства и переживания, которого, видимо, показались Льву Николаевичу более близкими и понятными юным читателям журнала.

В 1906 г. рассказ с некоторыми сокращениями был напечатан. В «Предисловии» Лев Николаевич писал: «Мысли, собранные здесь, взяты мною из очень большого количества сочинений и сборников мыслей <...> Часто я переводил мысли авторов не с подлинников, а с переводов на другие языки, и потому переводы мои могут оказаться не вполне верны подлинникам. <...> *Цель моей книги состоит не в том, чтобы дать точные словесные переводы писателей, а в том, чтобы, воспользовавшись великими, плодотворными мыслями разных писателей, дать большому числу читателей доступный им ежедневный круг чтения, возбуждающего лучшие мысли и чувства.*

Я желал бы, чтоб читатели испытали при ежедневном чтении этой книги то же благотворное, возвышающее чувство, которое я испытал при ее составлении и продолжаю испытывать теперь как при ежедневном чтении ее, так и при работе над улучшением ее второго издания» (41, 9).

Герой рассказа Л. А. Авиловой — мальчик Гриша, хозяйский сын. Добрый и ласковый ребенок, обойденный родительским вниманием, он всей душой привязался к кучеру Игнату, который тоже полюбил маленького барина. Автор прослеживает, как между Гришей и кучером возникает «странная, но искренняя дружба», как во всех ситуациях мальчик старается защитить своего взрослого приятеля. Но вдруг однажды мальчик становится свидетелем разговора своих

родителей и слышит, как отец говорит матери, что Егора приехали арестовывать за то, что он сбежал от бывшего хозяина и при этом еще увел у него лошадь, сломал замок, и теперь его обвиняют в воровстве со взломом. Мать возражает отцу: «Но что же им было делать?... Ведь этот человек воспользовался какой-то задержкой с паспортом, не платил жалованья, вымогал даровую работу...» [6, с. 64]. «А уводить лошадь все-таки не следовало! <...> — с досадой ответил отец» [6, с. 64]. На вопросы потрясенного до глубины души Гриши («Мама, куда везут Игната?», «Кто приехал за Игнатом, мама?») жестко отвечает отец: «Твоего Игната везут в острог за кражу со взломом. Понимаешь?... Игната за кражу, а его жену Матрену за пособничество. Его на три года, а ее на полтора» [6, с. 65].

Мальчик воспринимает это сообщение как глубокое личное горе. Он всем своим детским существом протестует против этого и бросается на урядника, приехавшего арестовывать Игната: плачет, обвиняет в душе отца и мечтает отомстить ему, уряднику, няне, — всем, кто, по его мнению, виноват в несчастье Игната. Автор достигает глубокого психологизма в изображении первого недетского горя своего героя, потрясенного равнодушием и жестокостью взрослых людей к судьбе человека.

Автор рисует картину безысходного отчаяния детской души: «Гриша убежал в детскую, забился в угол около своей кровати и прижался к стене, держась обеими руками за грудь. Бессильное негодование все еще клокотало в нем и искало себе исхода. Он увидал на полу сестрину куклу, стал топтать ее ногами и, наконец, отшвырнул ее в другой конец комнаты. На стене висела его собственная картинка; он сорвал ее и бросил на пол. От такой усиленной деятельности нервная напряженность его несколько ослабла: он сел, прислонился лбом к железу кровати, затих и стал мечтать...» [6, с. 66].

Затем Авилова описывает мечты Гриши: «Он мечтал о силе... Ему нужна была сила, чтобы мстить, чтобы покорять всех этих жестоких и виноватых людей: судей, которые осудили Игната, урядника, который должен был увезти его; няню за то, что она угощала урядника вареньем, и даже отца...» [6, с. 66].

Примечательно, что, рассматривая противоправные действия своих героев, Авилова избирает действия, находящиеся в пограничной

области морали и права, о которых в свое время говорил доктор уголовного права, заслуженный профессор Императорского училища правоведения в Санкт-Петербурге Н. С. Таганцев. Профессор же, соглашаясь с Гуго Мейером, считал, что «... воровство, разбой, убийство в наибольшем числе случаев являются и безнравственными деяниями, но, ближе присматриваясь, мы не можем сказать, чтобы это совпадение существовало всегда; напротив того, нельзя отрицать, что с точки зрения нравственности могут быть извиняемы даже такие поступки, для коих право не знает никаких оправданий» [7, с. 43].

«Нравственность имеет всегда и исключительно в виду внутреннюю сторону деяния, — писал Таганцев далее, — его мотивы и побуждения; нравственные заповеди определяют душевный строй лица, безотносительно к его внешнему выражению; внешнее действие есть случайная оболочка, не изменяющая существа вменения и оценки поступка; право прежде всего имеет в виду объективные свойства и значение совершенного, определенные внешние проявления содеяния или бездействия и только от них восходит к внутренней стороне поступка: виновность имеет значение только при внешней вредоносности или опасности учиненного. Оттого действие вполне правомерное может быть тем не менее глубоко безнравственным <...>. Наоборот, воровство, учиненное единственно в целях оказать помощь лицу, глубоко нуждающемуся, спасти другого от нравственного падения, будет деянием наказуемым, но всегда ли наклеим мы учинившего эпитетом безнравственного человека?» [7, с. 44].

Герои Авиловой как раз совершают противоправные поступки, которые могут быть объяснимы и прощены с точки зрения нравственности: крестьянка ворует господский лес, чтобы обогреть своих детей и дать им горячую пищу; кучер Игнат, доведенный до отчаяния голодом и отсутствием денег, которые ему не платит хозяин, фактически поработивший его, вынужден бежать и в качестве оплаты за свой труд прихватить с собой хозяйскую лошадь.

Поэтому противоправные, с точки зрения закона, поступки героев Авиловой не вызывают осуждения со стороны других персонажей: хозяин леса Николай Иванович не только не уличает преступницу, но и старается незаметно уйти с

«места преступления», чтобы не испугать и не потревожить крестьянку; новые хозяева кучера Игната от души сочувствуют ему.

Следует говорить о том, что все писатели XIX в., в т. ч. и Л. А. Авилова, воспитывались в условиях официальной православной веры, поэтому и все проблемы, затрагиваемые ими в произведениях (равно как и поступки героев), рассматривались ими через призму их религиозного мировоззрения.

Рассказ Л. А. Авиловой «Судебный следователь» начинается с того, что опытный следователь Илья Степанович выезжает в село Нагиши, где «... по донесению, полученному им, было открыто преступление — найден крошечный детский трупик с явными признаками насильственной смерти» [8, с. 35]. Вместе со следователем на происшествие отправляется «только что окончивший молодой юрист» Андрей Петрович Вердин, который изъявляет «горячее желание присутствовать при следствии» и посмотреть в деле профессионала такого высокого ранга, как Илья Степа-нович. От предвкушения этого предстоящего события радостное возбуждение не покидает молодого человека, он старается «выразить всем существом своим непрерывное чувство удовольствия» и восхищения профессионализмом коллеги. «... Дорогой мой, — говорит Вердин, — как бы вы ни были скромны, вы не можете отрицать вашей славы на том поприще, на котором вы подвизаетесь! Я не раз слышал восторженные удивления вашей проницательности, ловкости, вашему умению разбираться в самых запутанных обстоятельствах. <... > ... я повторяю: такого следователя, как вы, у нас никогда не было и не будет. Да, я завидую вам, и если бы я смел мечтать, что у меня, кроме призвания, окажется и талант, — я бы записался в ваши ученики» [8, с. 37, 38]. Свое же призвание Вердин видит в том, чтобы вмешиваться в жизнь людей, «изучать в ней человека, его душу, его сущность». Андрей Петрович молод, самоуверен, и эта его самоуверенность, а также незнание им жизни и сложностей избранной профессии очень раздражают следователя. Илья Степанович открывает непосвященному молодому человеку тайники своей души, свои нравственные страдания, которые он нередко испытывал во время исполнения служебных обязанностей. «Чем запутаннее было дело, — говорит он, — тем

более оно захватывало меня, тем сильнее я чувствовал в себе охотника. И только тогда, когда дичь была найдена, когда виновный стоял передо мной, беспомощный, обличенный, лишенный свободы, тогда я приходил в себя. Вот вы жалели, что вам никогда не удавалось наблюдать казни. Я тоже никогда не видел ее, но мне представляется, что те, кто когда-либо присутствовали при ней, должны были испытать то же самое чувство разочарования, недоумения и ужаса, которое испытывал я лицом к лицу с жертвой моего таланта. Справедливость требовала осуждения порока, злодеяния, а петля захватывала шею «живого» существа. Закон карал поступок, но его уже не было налицо, он всегда оставался в прошлом, а отвечал за него человек... Человек во всей сложности его духовного, социального и семейного положения: отец, муж, брат по Христу, несчастный истомленный страхом, стыдом и часто раскаянием.

О, сколько я видел их, этих «злодеев»! Жалких, бессильных в тоске и отчаянии... Вы думаете, что я должен был испытывать торжество?

О, еще бы! Разве не на моей стороне были и право и справедливость? В чем мог бы я упрекнуть себя? Я уличил преступника и отдавал его в руки правосудия. Но когда я сравнивал его силу, его волю с той силой и волей, которую олицетворял я, тогда, знаете, я переживал минуты, которых лучше не вспоминать. Лучше не вспоминать!» [8, с. 41, 42]. Высокопарный тон Вердина, его рассуждения о необходимости изучения человеческой души вызывают неприятие у умудренного жизнью следователя. «Что вы все толкуете о душе? — иронично вопрошает он. — Вы изучаете ее, как изучали свои лекции, записываете ее по частям в ваших ученических тетрадках. Вы наблюдаете ее в преступнике на скамье подсудимых. Зачем вы все время говорите о душе, и именно теперь, когда это особенно неуместно?» [8, с. 41].

Илья Степанович опасается, что молодой задор и юношеский максимализм коллеги, его уверенность в своей непогрешимости могут навредить людям, и поэтому с нескрываемым раздражением он ставит Вердину на вид его непрофессионализм: «И плохо вы чувствуете эту душу, если едете наблюдать ее туда, где она забыта, — забыта умышленно и принципиально такими людьми, как мы, временно и случайно такими несчастными, как та преступница, которую

мы с вами едем обличать и судить» [8, с. 43].

Внезапно вспыхнувшая полемика неожиданно заканчивается при въезде в спящее село. «Ни одного огонька не светилось в окнах, — пишет Авилова, как бы переводя повествование в другую плоскость. — Люди, добрые и злые, порочные и невинные, отдыхали от тяжелого труда жизни. Все они знали, что такое этот труд, но никто из них не сумел бы сказать, что такое жизнь и зачем она требовала от них такой непосильной и непрерывной борьбы» [8, с. 45]. А возвратившись к своим героям, писательница показывает, что, хотя внешне перемирие спутников состоялось (Илья Степанович извинился за резкость, а Вердин положил свою руку на его и предложил не ссориться), каждый из них остался при своем мнении. Впереди был трудный день.

... Однажды, по свидетельству Д. П. Маковицкого, семейного врача Толстых, между писателем и его супругой зашел разговор о творчестве Л. А. Авиловой, когда Лев Николаевич решительно возразил Софье Андреевне на ее слова о том, что Авилова «нехорошо, скучно пишет». «Авилова пишет лучше Андреева. Она выбирает старые нравственные темы и пишет на них. Пишет умственно сухо» [9, с. 149], — сказал тогда Лев Николаевич.

Однако, отмечая «умственно-сухую» манеру письма Л. А. Авиловой, Лев Николаевич не знал, что этому учил ее Антон Павлович Чехов. Это он в своих письмах советовал ей 19 марта 1892 г.: «...когда изображаете горемык и бесталанных и хотите разжалобить читателя, то старайтесь быть холоднее — это дает чужому горю как бы фон, на котором оно вырисовывается рельефнее. А то у Вас и герои плачут, и Вы вздыхаете. Да, будьте холодны» (Письма, 5, 26); 1 марта 1893 г.: «Вы делаете большие успехи, но позвольте мне повторить совет — писать холоднее. Чем чувствительнее положение, тем холоднее следует писать и тем чувствительнее выйдет. Не следует «обсахаривать» (Письма, 5, 177).

...Жизнь показала, что Лидия Алексеевна была примерной ученицей: она много работала и послушно следовала советам учителя, однако сам Антон Павлович, к сожалению, уже не узнал о столь значительных творческих успехах своей талантливой ученицы.

### Список библиографических ссылок

1. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. М., 1974—1983. Письма. Т. 4. С. 359. Далее цитирование будет производиться в тексте по этому изданию с указанием тома и страницы.
  2. Бунин И. А. Рецензии и обзоры. Литературный дневник. 1898. «Русское богатство». IX кн. // Литературное наследство. Т. 84: в 2-х книгах. Иван Бунин. Книга первая. М., 1973. С. 334.
  3. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.-Л., 1928-1958. Т. 75. с. 236. Далее цитирование будет производиться в тексте по этому изданию с указанием тома и страницы.
  4. Авилова Л. А. Без привычки // Авилова Л. А. Рассказы. Воспоминания. М., 1984. С. 19.
  5. Толстая С. А. Дневники: в 2 т. М., 1978. Т. 1. С. 129.
  6. Авилова Л. А. Первое горе // Авилова Л. А. Рассказы. Воспоминания. С. 64.
  7. Русское уголовное право. Лекции Н. С. Таганцева. Часть общая. Т. I. СПб., 1902.
  8. Авилова Л. А. Судебный следователь // Л. Авилова. Власть и другие рассказы. М., 1906. С. 35.
  9. «Яснополянские записки» Д. П. Маковицкого. Книга третья. // Литературное наследство. Т. 90. М., 1979.
- © Прокурова Н. С., 2014